

Персональность и другие семантические категории, [w:] Jachnow H. et. al. (red.),
Personalität und Person. Wiesbaden 1999, 173–202.

Александр Киклевич, Минск/Бохум

ПЕРСОНАЛЬНОСТЬ И ДРУГИЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

1. Номинативная – коммуникативная персональность

Так, как это предлагается в работе ХИМИК 1990, 8, мы будем различать два типа семантики лица: а) номинативную и б) коммуникативную (существуют и более детальные классификации значений категории лица, см.: SCHERNER 1979, 94). Номинативная категория персональности включает названия лиц, т.е. слова, в лексическом содержании которых имеется признак 'быть человеком'. Иначе этот функциональный класс можно квалифицировать как категорию антропонимности, которая в славянских языках имеет лексико-семантический (не грамматический) характер, потому что отсутствуют ее общие и к тому же обязательные для выражения морфологические показатели. Например, суффиксы *-тель*, *-ник*, *-чик* и др. лишь частично выполняют эту функцию, так как, с одной стороны, они представлены и в контрпарадигме неличности (ср.: *преподаватель – показатель*, *работник – подстаканник*, *перевозчик – карманчик*); с другой стороны, суффиксальный показатель лица часто отсутствует, а семантика антропонимности выступает как один из семантических множителей в лексическом содержании слова (ср. имеющие различный морфологический состав термины родства *отец*, *сестра*, *чадо* и др.).

Отдельное место занимают в данном отношении польский, верхне- и нижнелужицкий языки, в которых лицо, а именно – мужское лицо, представляет собой одну из грамматических категорий существительных, в винительном падеже множественного числа совпадающие с формами родительного падежа – если они обозначают человека мужского пола, и с формами именительного падежа – если они обозначают "все остальное".

Впрочем, в польской грамматике можно выделить и функциональный класс женского лица, который образуют формы деминутивных существительных женского рода с мягкой основой в звательном падеже *Aniu!*; *Zosiu!*; *ciociu!* и т.п. – эта и только эта часть женской парадигмы имеет в данном падеже окончание *-и*. Надо, однако, отметить, что сфера употребления вокатива в речевой практике по-

степенно сужается и в настоящее время ограничивается, главным образом, письменной речью.

Таким образом, в парадигматическом аспекте, антропонимность выступает как общий дескриптивный признак лексико-семантической категории (группы, поля, класса) номинативной персональности.

У этого семантического признака есть и другой аспект – синтагматический: в семантической структуре высказывания антропонимность представлена в виде селективного признака именных групп (аргументов) и предикатов. Так, МАКСАПЕТЯН 1990 указывает, что выражение агенса в каузативных высказываниях регулярно сопровождается семантикой антропонимности, что, в свою очередь, вызывает в агентивной позиции персонификацию как вторичную номинацию неодушевленных/неличных существительных.

2. Персональность и определенность

Коммуникативная персональность позволяет характеризовать денотат именной группы как "лицо с точки зрения его роли в речевом акте" (ХИМИК 1990, 8), т.е. выступает как "актуализационная категория дейктического типа". Квалифицируя персональность таким образом, БОНДАРКО 1991, 5 исходит из следующей дефиниции:

"Персональность – это семантическая категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему" (см. также: LASKOWSKI 1993, 377).

На связь категории персональности с актуализацией референтной семантики указывают также другие исследователи: HALLIDAY; HASAN 1976, 37; NEGER 1965; RITTEL 1985, 28; SCHERNER 1979, 97; БУЛЫГИНА, ШМЕЛЕВ 1997, 320 и др. Так, в высказывании

(1) *От заказов не было отбоя и ему пришлось нанять помощника, то есть меня* (В.Максимов)

существительное *помощника* выполняет дескриптивную функцию, т.е. характеризует пациентивную именную группу как 'лицо, которое оказывает помощь', а местоимение *меня* выполняет детерминативную функцию, т.е. идентифицирует тот же референт с говорящим.

2.1. Категория лица в естественных языках выступает как система средств реализации другой, более общей категории – определенности (детерминативности). Определенность же, в свою очередь, пред-

ставляет собой функционально-семантический класс синтаксических операторов, сферой действия которых является денотативный статус именных групп.

Детерминативная функция состоит в определении отношения обозначаемых предметов к тому, что называют "референтной рамкой говорящего". Эта рамка

"включает в себя все, что собеседник в данный момент, в данной речевой ситуации может идентифицировать однозначно на основе контекста, констатиции или личного социально-культурного базиса" (НЕРГОР-СЕРЕНСЕН 1987, 156).

В данной работе различаются: а) дескриптивная определенность генерических (универсальных) именных групп и б) коммуникативная определенность конкретно-референтных именных групп. Генерические именные группы могут быть только определенными, а референтные имеют три значения: два маркированные – определенность (известность) и неопределенность (неизвестность), и одно немаркированное. В высказывании (2) именные группы *на скамейке* и *человек* в аспекте детерминативной функции являются немаркированными, а в высказывании (3) одна из них является определенной, а другая – неопределенной:

(2) *На скамейке сидел человек.*

(3) *На этой скамейке сидел какой-то человек.*

Высказывание (3) может быть интерпретировано: 'Предмет X, который является человеком, такой, который мне не известен, сидит на предмете Y, который является скамейкой, такой, которая мне известна'.

2.2. Существуют три типа определенности референтных именных групп: 1) коммуникативная, 2) эмпирическая и 3) энциклопедическая.

2.2.1. Коммуникативная (или анафорическая) определенность основана на семантической связности текста и заключается в предположении о значении обозначаемого референта.

В множестве форм категории персональности коммуникативную определенность выражают местоимения 3-го лица, ср. (примеры заимствованы из работы: ЗЕМСКАЯ, КАПАНАДЗЕ 1978):

(4) – *Если ты мне дашь нитки / коробку эту / я заштопаю.*

– *А где она?*

Именная группа *она* выступает здесь как маркер коммуникативной определенности, ср. трансформацию: 'Где находится упомянутая коробка с нитками?'

2.2.2. Эмпирическая (или дейктическая) определенность именных групп основана на том, что их референт характеризуется с точки зрения его отношения к речевому акту и участникам информационного обмена. Обладающие эмпирической определенностью именные группы указывают на объекты, которые непосредственно присутствуют в ситуации общения и воспринимаются соответствующими органами чувств. Ср.:

(5) – *Тань, а сколько мне на костюмчик нужно?*

– *Ну здесь ширина небольшая / наверное девяносто.*

Именная группа *здесь* характеризуется эмпирической определенностью, ср. трансформацию: 'Наблюдаемый предмет (отрез ткани) имеет небольшую ширину'.

Данный тип семантики детерминативности реализуют местоимения 1-го и 2-го лица. Формы местоимений 3-го лица трактуются многими исследователями только как анафорические, например, в работе: RITTEL 1985, 45. ХИМИК 1990 считает, что этим формам присуща "отстраненная функция неучастника речевого акта". Данная трактовка основана на высказанном ранее такими авторитетными учеными, как ЯКОБСОН и БЕНВЕНИСТ, теоретическом положении, согласно которому формы типа *он, она, оно, они* не выражают лица. 3-е лицо не учитывается в оппозиции "я" – "ты" при рассмотрении персональности в некоторых философских работах (WELTE 1980, 15). SCHROEDER 1989, 19 нашел фактическое подтверждение этому положению в грамматике турецкого языка, где 3-е лицо глаголов в единственном числе вообще не имеет морфологического маркера, а во множественном числе выражается суффиксом *-lar*, который характерен для словоизменительной парадигмы существительных.

Мы, однако, считаем, что более близка действительности иная трактовка. Так, LOOSER 1975, 249 включает в личную парадигму значения: *Я* (1-е лицо), *Ты* (не 1-е лицо), *не-Ты* (лицо) и *не-Ты* (не-лицо). БОНДАРКО 1991, 8 также совершенно учитывает, что "неанафорический дейксис" является одной "из возможных функций 3-го лица". Референт, соотносимый с третьим лицом, представляет не только того/то, о ком/о чем говорят (как считает, например, RITTEL 1985, 28), но может выступать как косвенный участник речевого акта, т.е. как

участник некоторой смежной ситуации, находящейся в поле зрения, а иногда и с участием коммуникантов. Ср. местоимение *его* в следующем контексте:

(6) *Раздевшись, как и он, я легла в кровать, и дрожала от холода, а он кидался на меня, скрежетал зубами, кричал растерянно: "Я зверь! Я зверь!" – и без всякого видимого эффекта истерично трепал свой жалкий отросток. Потом поднес свое беспомощное излишество к моему лицу и сказал капризно: "Поцелуй Его!"* (В.Войнович).

3-е (дейктическое) лицо соотносится с двумя сферами речевого акта: а) со зрителями/свидетелями коммуникации и б) с обстановкой/сценой коммуникации. В работе CLARK, CARLSON 1982 (русский перевод: КЛАРК, КАРЛСОН 1986) исследуется ориентация речевых сообщений на зрителей/свидетелей диалога. Авторы обращают внимание на то, что принятое в стандартных теориях коммуникации отождествление адресата и слушающего принципиально неверно – речевой акт может осуществляться в присутствии зрителей, которые воспринимают информацию, предназначенную для другого лица (других лиц). Исходная предпосылка упомянутой работы состоит в том, что "speakers perform illocutionary acts not only toward addressees, but also toward certain other hearers" (CLARK, CARLSON 1982, 333). Такая коммуникативная стратегия предполагает принцип ответственности (principle of responsibility):

"Each is responsible at all times for keeping track of what is being said, and for enabling everyone else to keep track of what is being said" (CLARK, CARLSON 1982, 334).

Актуальность 3-го лица как косвенного реципиента сообщения демонстрируется, в частности, на примере эллипсиса (все английские примеры заимствованы из упомянутой выше работы):

(7) – (Charles, to Ann, in front of Barbara) *Did you like the museum?*
– (Ann, to Charles, in front of Barbara) *Yes, I did.*
– (Charles, to Barbara in front of Ann) *What about you?*
– (Barbara, to Charles in front of Ann) *I liked it too.*

Задавая вопрос Анне, Чарльз принимает во внимание, что в диалоге, хотя и косвенно, участвует также Барбара – это и позволяет ему элиминировать некоторые лексические компоненты в реплике *What about you?*

Присутствием третьего лица в ситуации общения обусловлено и весьма интересное коммуникативное явление – косвенные речевые акты, при которых сообщение одновременно направляется прямому адресату и зрителю, но его прагматический эффект рассчитан только на второго:

- (8) (*Mother, to three-month-old, in front of father*) *Don't you think your father should change your diapers?*
- (9) (*Father, to dog, in front of son*) *Lassie, Daniel is about to take you for a walk.*
- (10) (*Mechanic, to automobile, in front of co-worker*) *Damn it, car, I need two more hands to help me bolt your fender back on.*

Впрочем, употребление личных местоимений 3-го лица для дейктического указания на зрителя ограничено некоторыми коммуникативными нормами, в частности – речевым этикетом, который исключает местоимения *он, она, они* как обозначения присутствующих в ситуации диалога зрителей. Если в подобной речевой обстановке местоимение 3-го лица все-таки употребляется, оно воспринимается как негативное, враждебное или агрессивное отношение говорящего к референту 3-го лица, исключает его из прямого речевого акта и т.п., ср.:

- (11) – *Никогда не думал, что ты за Славку выйдешь.*
– *А никто не думал, и я тоже не думала, и он сам.*
– *Ну, он-то, положим, думал, – сказал Славка (Г.Шпаликов).*
- (12) – *Пишите стихи? – переспросил лысый так, как будто В.В. сказал ему что-то смешное. – Неужели пишете стихи? Как это оригинально! Он пишет стихи, – сообщил он окружающим его молодым людям, и молодые люди тут же весьма саркастически по отношению к В.В. и угодливо по отношению к Зиновию Матвеевичу захихикали (В.Войнович).*

Комментируя высказывание

- (13) (*Mother, to son, in front of his friend*) *Does she want a nother cup of coffee?*

CLARK, CARLSON 1982, 337 отмечают:

"In asking her son this, the mother is really telling the woman indirectly that she is refusing to speak to her. If the mother had said directly *I refuse to speak to you*, she would be belying her own words. She can accomplish what she wants only indirectly and laterally".

Хотелось бы также обратить внимание на косвенные речевые акты следующего типа:

- (14) – *Прикончили б сразу, чем так.*
– *Ага, именно! Все больно жалостные, гляжу, а пострелять – другой дядя пускай.*
– *Другому дяде, небось, и приказано.*
– *Мало мне чо приказано* (Г.Владимов).

Выражение *другой дядя* употребляется для косвенного обозначения в первом случае – говорящим самого себя, в другом – партнера по общению, ср. перифразы: *Пострелять должен я; Тебе, небось, и приказано.* Подобное не прямое, завуалированное именование одного из коммуникантов создает магический, а именно – эвфемистический эффект и используется тогда, когда в соответствии с теми или иными аксиологическими пресуппозициями упоминание об участии одного из коммуникантов в описываемом событии не желательно.

2.2.3. Энциклопедическая определенность обусловлена наличием у говорящего устойчивого, хранящегося в долгосрочной памяти образа референта. Этот тип семантики определенности реализуется с помощью собственных имен, например:

- (15) *Я сяду на "Кропоткинской" / а у "Библиотеки" выйду / и через Военторг пройду // Как ты думаешь?*

Именные группы *"Кропоткинская", "Библиотека", Военторг* обладают энциклопедической определенностью, ср. трансформацию: *'Я выйду на станции метро, которую я знаю/помню как "Кропоткинскую"'*.

Энциклопедическую определенность эпизодически выражают личные местоимения 1-го лица, ср.:

- (16) – *Кто там?*
– (голос за дверью) *Я.*

Местоимение *я* позволяет в данном случае идентифицировать лицо отчасти на основании аудиального контакта коммуникантов, что представляет собой элемент эмпирической определенности. Отчасти же лицо идентифицируется благодаря существованию в памяти речевого субъекта ассоциации между голосом и конкретным человеком. Энциклопедический характер определенности именной группы подтверждается тем, что местоимение *я* в рассматриваемом примере можно заменить именем собственным:

- (17) – *Кто там?*
– *Аркадий.*

Поскольку определение лица основывается здесь на паралингвистических, а именно – акустических критериях, то, в сущности, лек-

сическое содержание ответной реплики в подобных ситуациях вербальной идентификации лица не играет значительной роли – выбор лексических средств автопрезентации регулируется, скорее, социально- и культурно-прагматическими нормами. В принципе, стоящий за дверью человек может достичь того же прагматического эффекта, даже если его реплика вообще не будет содержать наименований лица, как в диалоге (18):

(18) – *Кто там?*

– *На Севере живут белые медведи.*

Разумеется, необходимый прагматический эффект в данном случае возможен только при условии, что партнер по диалогу способен идентифицировать говорящего по голосу.

В подобных речевых ситуациях может наблюдаться противоречие между лексической и акустической информацией, что преднамеренно обыгрывается в следующем отрывке:

(19) *Тут он наклонился, сунул голову в нору и крикнул:*

– *Эй! Кто-нибудь дома?*

Вместо ответа послышалась какая-то возня, а потом снова стало тихо.

– *Я спросил: "Эй! Кто-нибудь дома?" – повторил Пух громко-громко.*

– *Нет! – ответил чей-то голос. – И незачем так орать, – прибавил он, – я и в первый раз прекрасно тебя понял.*

– *Простите! – сказал Винни-Пух. – А что, совсем-совсем никого нет дома?*

– *Совсем-совсем никого! – отвечал голос*

Тут Винни-Пух вытащил голову из норы и задумался.

Он подумал так: "Не может быть, чтобы там совсем-совсем никого не было! Кто-то там все-таки есть – ведь кто-нибудь должен же был сказать: "Совсем-совсем никого!"

Поэтому он снова наклонился, сунул голову в отверстие норы и сказал:

– *Слушай, Кролик, а это не ты?*

– *Нет, не я! – сказал Кролик совершенно не своим голосом.*

– *А разве это не твой голос?*

– *По-моему, нет, – сказал Кролик. – По-моему, он совсем, ну ни капельки не похож! И не должен быть похож!*

– *Вот как! – сказал Винни Пух.*

Он снова вытащил голову наружу, еще раз задумался, а потом опять сунул голову обратно и сказал:

– *Будьте так добры, скажите, пожалуйста, куда девался Кролик?*

– *Он пошел в гости к своему другу Винни-Пуху. Они, знаешь, какие с ним друзья!*

Тут Винни-Пух прямо охнул от удивления.

– *Так ведь это же я!*

- *Что значит "я"? "Я" бывают разные!*
- *Это "я" значит: это я, Винни-Пух!*
- На этот раз удивился Кролик. Он удивился еще больше Винни.*
- *А ты в этом уверен? – спросил он.*
- *Вполне, вполне уверен! – сказал Винни-Пух.*
- *Ну хорошо, тогда входи! (А.Милн, пер. Б.Заходера).*

Необычность речевой ситуации в данном случае обусловлена нарушением сформулированного ранее ГРАЙСОМ постулата качества: "Не говори того, что ты считаешь ложным", – один из коммуникантов (а именно – Кролик) сознательно вводит своего партнера по диалогу в заблуждение, и тем не менее благодаря энциклопедической информации идентификация лица достигает эффекта.

2.3. В разделах 2.2.1 – 2.2.3 мы рассматривали реализацию маркеров персональности в выражениях с конкретно-референтными именными группами. Такое функционирование показателей лица является наиболее типичным. Но единицы, которые составляют интересующую нас категорию, имеют и другое, хотя менее распространенное употребление – как показатели определенности генерических именных групп. Различие прономинальных форм персональности, выражающих конкретно-референтную и универсальную определенность, соответствует оппозиции "pronouns as proxies – pronouns as dummies", которую предложил BOGUSJAWSKI 1994.

Семантика универсальной определенности свойственна, главным образом, местоимениям 1-го и 2-го лица. Анализируя односоставные обобщенно-личные предложения типа

(20) *Тише едешь – дальше будешь,*

ПЕШКОВСКИЙ 1935, 330 писал: "Для понимания этих предложений прежде всего надо принять во внимание, что в них часто бывает и подлежащее, т.е. слово *ты*".

Ср. соответствующие иллюстрации:

(21) *Пойдешь на Щукин – купцы тебе кричат: "Почтенный!" На перевозе в лодке с чиновником сидишь... Наскучило идти – берешь извозчика и сидишь себе, как барин, а не хочешь заплатить ему – изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет (Н.Гоголь).*

(22) *Охотно мы дарим, что нам не надобно самим.*

(23) *Вы входите в лес. Вас сразу охватывает прохлада. Вы медленно идете по опушке (И.Тургенев).*

(24) *Ну что ты с ним сделаешь!*

(25) *Ну что ты скажешь!*

(26) *Если у меня нет велосипеда, это не значит, что я имею что-то другое, например, "жигули" или "мерседес"* (И.Шатуновский).

Подобные предложения квалифицируются обычно как обобщенно-личные (БАБАЙЦЕВА 1968, 45; ВАЛГИНА 1973, 156; БЕЛОШАПКОВА 1977, 98; ШВЕДОВА 1980, 533). В высказывании (21) (монолог Осипа из "Ревизора"), как писал ПЕШКОВСКИЙ 1935, 331, "разумеется не тот, кто слушает Осипа (да его, кстати, никто и не слушает), а всякий *ты, ты* вообще". По его мнению, односоставные и двусоставные обобщенно-личные высказывания типа (21) – (26) "по существу ничем не отличаются от таких вполне личных предложений, как *человек смертен, соловей поет лучше всех птиц* и т.д."

БУЛЫГИНА, ШМЕЛЕВ 1997, 320 рассматривают высказывания

(27) *Приятно, когда тебя хвалят* и

(28) *Всякому приятно, когда его хвалят*

как с семантической точки зрения однотипные, а именно – содержащие коассигнацию личного местоимения и соответствующего антецедента.

Особенность обобщенно-личных высказываний с формами местоимений в 1-м или 2-м лице состоит в том, что они указывают на "личный опыт говорящего" и, в частности, могут отражать его половые признаки (БУЛЫГИНА, ШМЕЛЕВ 1997, 335), например:

(29) *Быстро забываешь себя ту, какой была когда-то* (Н.Ильина).

Высказывание (29) можно интерпретировать: 'Каждый человек быстро забывает, каким он был когда-то; это касается и меня самой / я знаю это по своему личному опыту'.

Обобщенно-личные высказывания рассматриваемого типа могут быть квалифицированы как инклюзивные: 'Сообщаемое касается всех, в том числе и меня'. Высказывание в подобных случаях распространяется на полный объем множества людей, при этом подчеркивается личное участие говорящего в описываемом событии.

Различие универсального и референтного употребления местоимений 1-го и 2-го лица ярко проявляется в следующем примере, критикующем примитивно-конкретное мышление:

(30) *Брежнев во время встречи в верхах как-то спросил у Форда:*

– *А как у вас подбираются кадры для государственной службы?*

– *С помощью тестов. Задаем вопросы и в зависимости от ответа даем оценку. Ну например: кто есть сын твоего отца, но не ты?*

Брежнев задумался и, вернувшись домой, вызвал Косыгина.

– *Кто есть сын твоего отца, но не ты?*

- *Мой брат.*
- *Правильно, молодец.*
- Затем Брежнев вызвал Подгорного.*
- *Кто есть сын твоего отца, но не ты?*
- *Мой брат, – ответил Подгорный.*
- *Вот и ошибаешься: это брат Косыгина* ("Крокодил". 1989. № 28).

Местоимения *твоего, ты, мой* в загадке *Кто есть сын твоего отца? (Мой брат)* употреблены генерически – здесь не имеется в виду какое-либо конкретное лицо (местоимения выступают в этом случае как "dummies", см.: BOGUSJAWSKI 1994), поэтому их конкретно-референтная интерпретация (*это брат Косыгина*) некорректна и вызывает юмористический эффект.

БУЛЫГИНА, ШМЕЛЕВ 1997, 321 рассматривают односоставные обобщенно-личные предложения как выражения с нулевым подлежащим. Такое подлежащее понимается не просто как "синтаксический нуль", но именно как "нулевые формы местоимений 1-го и 2-го лица", которые составляют часть их морфологической парадигмы. Данная трактовка (удобная с технической точки зрения) представляется нам неприемлемой – хотя бы уже из того соображения, что имеется семантический параллелизм выражений с материальным подлежащим в форме 1-го или 2-го лица и без такового, на что как раз и обращал внимание ПЕШКОВСКИЙ (см. выше). Это противоречит принципу структурной организации словоизменительных парадигм, где нулевые формы семантизированы именно благодаря их содержательной противопоставленности материальным грамматическим формам одного и того же категориального ряда.

2.4. Итак, категория лица представляет собой упорядоченный набор средств манифестации детерминативной функции именных групп, а именно – значения определенности.

Распространенная в работах последнего времени трактовка неопределенности как одного из значений в структуре категории лица представляется нам спорной. Дело в том, что семантика неопределенности не имеет каких-либо специализированных персональных маркеров ни в системе глагольных, ни в системе местоименных, ни в системе субстантивных форм. Если вслед за RITTEL 1985, 45 в парадигму персональности будут включены местоимения типа *кто-то*, то, сказав "А", мы должны будем сказать и "Б", т.е. считать персональными также вопросительные, относительные, обобщающие и отрицательные местоимения – как языковые знаки, характеризующие референт безотносительно к указанию на участников речевого акта. Но при таком подходе категория персональности

потеряет свои концептуальные контуры и просто-напросто сольется с парадигмой операторов детерминативной функции и даже с макропарадигмой местоимений. Что касается "неопределенно-личного дейксиса", о котором пишет БОНДАРКО 1991, 9, то он как раз и является следствием того, что именная группа, выступающая в функции подлежащего (предмета сообщения) лексически не актуализирована.

В неопределенно-личных высказываниях можно было бы гипотетически усматривать наличие нулевого местоимения (так и поступают БУЛЫГИНА, ШМЕЛЕВ 1997, 321), ср.:

(31) *Меня ### поселили во флигеле.*

Но, во-первых, нулевые формы редко употребляются как маркеры отрицательных признаков (а значение неопределенности является именно таковым). Во-вторых, значение неопределенности в выражениях типа (31) обусловлено, собственно, не нулевым местоимением, а речевым контекстом, ср. эллиптическое выражение (32), которое, несмотря на отсутствие лексической формы, обозначающей подлежащее, является двусоставным:

(32) *Лену хозяйева поселили на первом этаже, а меня ###хозяйева### поселили во флигеле.*

Следует обратить внимание и на коммуникативную структуру личного и неличного вариантов одного и того же высказывания:

(33) *Меня поселили во флигеле.*

(34) *Меня поселили во флигеле.*

В двусоставном (эллиптическом) варианте высказывания предикат выполняет коммуникативную функцию темы сообщения, а в односоставном варианте он относится к рематической части.

2.5. Помимо личных местоимений, категорию персональности составляют личные формы глаголов, которые с синтаксической точки зрения представляют собой (если воспользоваться термином БАЛЛИ) "грамматический плеоназм", другими словами – дистрибутивную субкатеорию в рамках персональности, поскольку личное значение глагола дублирует соответствующее значение местоимения. Но, как и всякая избыточность в языке, избыточность этого рода при некоторых условиях становится коммуникативно значимой, ср. эллиптические выражения типа:

(35) – *Пойдешь на выставку?*

– *Пойду.*

В русской разговорной речи эпизодически встречается употребление глагольных форм 2-го лица единственного числа в значении 1-го лица:

(36) – *Пойдешь в библиотеку?*
– *Пойдешь.*

Подобное употребление возможно только при отсутствующем личном местоимении, а значит, личная форма глагола является здесь автосемантической.

Говоря об относительной структурной избыточности глагольного лица, следует иметь в виду и то, что формы личных местоимений и аффиксальные формы глагольного лица семантически не тождественны. Если личные местоимения актуализируют значение определенности применительно к любым именным группам, то глагольное лицо соотносится только с теми именными группами, которые выступают в качестве подлежащего (NAGURKO 1997, 87). Исключительно важна также его роль для функционально-синтаксической характеристики глагола, а именно – для актуализации синтаксической функции предиката-сказуемого (т.е. того, что сообщается о рассматриваемом предмете). Именно поэтому глагольное лицо вызывает интерес в связи с определением предикативности, которая в данной работе понимается как свойство предложения выражать логическое атрибутивное суждение типа *S есть P*.

Итак, структурная избыточность, способность актуализировать синтаксическую функцию глагольных предикатов (а именно – функцию ядерного предиката, или сказуемого), а также окказионально реализуемая способность актуализировать детерминативную функцию именных групп со значением подлежащего – вот три важнейшие стороны содержания субкатегории глагольного лица.

2.6. Иногда в грамматическую парадигму персональности включаются и существительные-апеллятивы, которые в отдельных языках выражены специальными звательными формами (RITTEL 1985, 17), в парадигме же склонения существительных при таком подходе усматривается оппозиция 2-го лица (звательный падеж) и 3-го лица (остальные падежи). Подобная трактовка допустима только при условии, что речь идет о мегапарадигме персональности (см. раздел 4), т.е. категории языковых единиц, имеющих в своем содержании какое-либо упоминание об участниках речевого акта. Но если личные местоимения характеризуют референт именной группы посредством указания или ссылки на одного из коммуникантов, то существ-

вительные-апеллятивы, напротив, могут употребляться тогда, когда один из коммуникантов (а именно – адресат) не известен (не очевиден) и требуется его идентификация с помощью соответствующего имени собственного или дескриптора, ср.:

(37) ... *Звонишь Гончарову по телефону. В трубке слышен мужской голос.*

– *Андрей Александрович, это вы?*

При этом апеллятивы выполняют также ряд дополнительных прагматических функций: выражают отношение психологической и социальной близости корреспондента и реципиента и др.

Общая семантика звательных форм существительных сводится, видимо, к толкованию: 'Сообщение адресуется субъекту, который обладает признаком Р'. При этом предполагается, что признака Р достаточно для идентификации адресата, т.е. его выделения из группы зрителей.

Весьма примечательно, что принцип дистинкции при дескриптивной номинации адресата с помощью существительного-апеллятива распространяется и на говорящего, в нормальном случае выбирающего такую квалификацию адресата, которая была бы не уместна по отношению к нему самому. Так, обращение к ребенку *Деточка!* естественно звучит в устах взрослого; напротив, обращения к взрослым типа *Дяденька!* или *Тетенька!* характерны только для речевой практики ребенка. В высказываниях с оценочными апеллятивами вроде *Глупец!*, *Иуда!*, *Лжец!*, *Скотина!* всегда содержится импликация 'Говорящий считает, что он лишен названного недостатка', при отсутствии которой сообщение нарушало бы коммуникативный принцип кооперации.

2.7. В функционально-семантическом поле персональности выделяют ядро – местоимения 1-го лица, которые наиболее эксплицитно представляют одного из коммуникантов (а именно – говорящего), и периферию – местоимения 2-го, а особенно – 3-го лица; последние, по мнению БОНДАРКО 1991, 20, "функционально обособлены от указания на участников речевого акта".

Градуальность в системе персональных форм детерминативности обусловлена важной особенностью их семантической структуры: помимо указания на отношение референта именной группы к участнику речевого акта они в нормативном употреблении предполагают наличие актуального или предварительного контакта реципиента с референтом соответствующей именной группы, а применительно к формам 2-го лица – их совпадения. Иными словами, реципиент должен быть свидетелем номинации. Ср. высказывание (38), где

употребление личного местоимения *мы* сопровождается перечислением состава обозначаемого им референтного множества:

(38) *Мы все пошли к выходу с перрона. Мы – это мы с отцом, бабушка Евгения Петровна, сестра отца тетя Аня, ее муж дядя Костя Шкляревский и их дети Сева и Витя* (В.Войнович).

Впрочем, это правило распространяется и на имена собственные, в частности, антропонимы, которые, как известно, характеризуются категориальной референтной омонимичностью, например:

(39) *Фамилию у Ивана она в ту ночь спросить постеснялась и теперь написала: "Красная Армия, Энская часть, Ивану, который знает"* (В.Войнович).

"Всякий язык, – писал Х.Борхес, – представляет собою алфавит символов, употребление которых предполагает общее с собеседником прошлое". По поводу "алфавита" прономинальных символов языка мы должны были бы сказать, что их употребление предполагает общее с собеседником настоящее.

Отсутствие предварительной договоренности о предметной области рассмотрения может привести к нереперентному употреблению индексальных знаков, как в высказывании:

(40) *Известен рассказ о купце, который из соображений рекламы вывесил объявление: "Сегодня – за наличные, завтра – в кредит". Он решил, что это объявление ни к чему его не обязывает: ни в какой день нельзя сказать, что сегодня как раз тот день, когда наступило завтра* (А.Ивин).

Личные местоимения используются при условии, что получатель сообщения хорошо представляет себе структуру речевого акта, т.е. коммуникативные роли участников информационного обмена и способен адекватно определить, кто является в диалоге говорящим, кто – адресатом, кто – зрителем. Поэтому в лексическом содержании личных местоимений можно выделить два признака: ассертивный и пресуппозитивный. Ср. пример толкования: *Я* = '1 (лексическое значение). Употребляется для указания на говорящего; 2 (семантическая пресуппозиция). Адресату сообщения известно, кто является говорящим'. Обратим внимание, что данная семантическая пресуппозиция сохраняется при отрицании слова, т.е. удовлетворяет критерию, обязательному для всех пресуппозиций, ср.:

(41) *Это сделал я.*

(42) *Это сделал не я.*

Общей частью содержания взаимоотрицаемых выражений (41) и (42) является пресуппозиция 'Адресату сообщения известно, кто является говорящим'. Если бы она была ложной (представим себе общение без актуального визуального контакта коммуникантов, например, в темноте, и без их предварительного аудиального контакта, т.е. при неспособности адресата идентифицировать говорящего по голосу), то речевой субъект вынужден был бы избрать другую форму номинации или же предварительно характеризовать себя с помощью существительного.

В высказывании

(43) (учитель обращается к одному из учеников) *А теперь ты пойдешь к доске*

местоимение 2-го лица само по себе не содержит определенности именной группы с семантической функцией агенса, потому что зрителям не известно, кому из них адресовано сообщение и без дополнительного вербального или паравербального указания на конкретное лицо данное высказывание не уместно (подтверждением чего является то, что оно в рассматриваемой речевой обстановке не может быть реализовано в письменной форме). Употребляемые в качестве констативов подобные выражения не имеют истинностного значения, а употребляемые в качестве перформативов они лишены иллюкутивной силы. Прагматическую функцию принуждения к действиям высказывание (43) будет выполнять только в соответствующих контекстах, ср.:

(44) (учитель смотрит на Иванова, который смотрит на учителя) *А теперь ты пойдешь к доске.*

(45) (учитель обращается к одному из учеников) *А теперь ты, Иванов, пойдешь к доске.*

Наибольшая степень определенности свойственна личному местоимению 1-го лица единственного числа – говорящий наиболее легко идентифицируется по движениям внешних речевых органов, голосу и другим аудио-визуальным признакам. Как указывает CHISHOLM 1992, 76,

"der Sprecher garantiert, daß in seiner Verwendung das Pronomen der ersten Person einen Gegenstand – oder ein Designatum – besitzt. Es gibt jedoch keine Garantie im Falle anderer Demonstrativa".

При отсутствии визуального контакта с говорящим определенность местоимения 1-го лица уменьшается, например, при общении по

телефону. Я в письменном тексте определено еще слабее, поэтому требуется дополнительная дескриптивная характеристика лица, ср. финальные формы типа *твой друг Вася* в эпистолярных текстах. БОНДАРКО 1991, 27, обращая внимание на различие ситуативно актуализованной/неактуализованной речи, исключает, однако, анафорическую функцию 1-го и 2-го лица. По этому поводу, видимо, можно дискутировать. Письменный текст по своей природе анафоричен. В так называемом нарративном режиме речи при повествовании от первого лица местоимение *я* выступает для реципиента, скорее, как анафорический знак, потому что читатель, по ЛОТМАНУ, общается не с автором, а с текстом, и актуализация детерминативной функции именной группы, выражаемой местоимением 1-го лица, осуществляется, как правило, не на фоне эмпирического контакта читателя и автора (отсутствие такого контакта и преодолевается письменной формой речи!), а благодаря кореферентности местоимения 1-го лица и существительного – ср. уже упомянутые эпистолярные формы типа *твой друг Вася*, а также высказывание

(46) *Когда же он явится, наконец, мой герой, моя заблудшая лапушка!.. Вдруг он-то и скажет свое несравненное: "Здравствуй, это я"* (В.Максимов),

где с точки зрения слушающего *я* можно интерпретировать не как 'тот, кто говорит', а как '(упомянутый) герой, которого ты ждала'.

Референт местоимения 2-го лица конкретизирован менее отчетливо, во-первых, потому, что моторно-двигательная активность адресата, по сравнению с говорящим, слабее. Во-вторых, как уже указывалось в разделе 2.2.2, адресат сообщения не всегда совпадает со слушающим, а внешние, проксемические различия адресата и зрителя (группы зрителей) не всегда очевидны.

Слабоопределенность форм 1-го и 2-го лица множественного числа проявляется, в частности, в том, что они представлены двумя вариантами – инклюзивным и эксклюзивным (RITTEL 1985, 68), ср.: *мы = я + ты* или *я + вы*, с одной стороны, и *мы = я + он* или *я + они*, с другой стороны. Подобная неопределенность местоименных форм 1-го и 2-го лица преодолевается в конструкциях типа *мы с ней*, *вы с ним*, *мы с Иваном*, например:

(47) *Единство противоположностей Есть ты да я, да мы с тобой* (Н.Глазков).

(48) *Часто мы с ним ругались* (В.Попов).

(49) *Еще неизвестно, куда сплaviшь нас с матерью ты*
(Б.Золотарев).

В немецком языке подобные сочетания не распространены, ср. *мы с Францем* = 'я и Франц', *ich und Franz*, **wir mit Franz*.

В отдельных высказываниях с местоимениями *мы* и *вы* ни говорящий, ни слушающий вообще не имеют прямого отношения к описываемой ситуации, например:

(50) *...А мы в Седлецкой губернии силою и обманом обращали в православие униатов...* (А.Кони).

В данном случае говорящий не принимает непосредственного участия в описываемом событии, а словоформа *мы* значит: 'правительство той страны, гражданином которой я являюсь'.

Следующую ступень в иерархии определенности занимают местоимения 3-го лица, чаще всего выражающие коммуникативную (анафорическую) определенность именной группы. Предупомынутость в тексте как семантический признак анафорических местоимений – слишком общий признак, к тому же внешний по отношению к предмету, так что идентифицировать предмет только на основании данного признака возможно далеко не всегда, ср.:

(51) *Я хочу показать тебе одну книгу. Она написана известным писателем.*

Именная группа *она* может быть истолкована здесь как 'упомянутый предмет, который является книгой'. Этой информации, однако, слишком мало, чтобы адресат самостоятельно, без подсказки говорящего смог выделить данную книгу из множества других книг. В отдельных случаях идентифицировать объект, обозначенный местоимением 3-го лица, не способен и отправитель сообщения, например:

(52) *В прихожей стояла какая-то женщина. В руках она держала небольшой сверток.*

Неопределенность семантики 3-го лица ПЕШКОВСКИЙ весьма убедительно продемонстрировал на примере:

(53) *Комендант велел дворнику отнести вещи жильца к себе.*

Данное высказывание (лишенное связи с контекстом) может иметь два различных толкования: дворник должен был отнести вещи жильца либо в комнату коменданта, либо в свою комнату. В связи с подобной двусмысленностью ПЕШКОВСКИЙ 1935, 146 писал:

"В тех случаях, когда возвратное местоимение относится к 3-му лицу, может возникнуть некоторая неясность в его значении, объясняющаяся конкуренцией нескольких третьих лиц, к одному из которых можно отнести возвратное местоимение. Дело в том, что в отличие от первого лица, которое, конечно, всегда едино для всей данной речи, и второго лица, которое всегда едино для данного предложения, третье лицо может мыслиться перемененно на протяжении даже одного и того же предложения".

Наименьшей степенью определенности именных групп, выраженных личным местоимением в 3-м лице, по-видимому, объясняется тот факт, что в формах этого типа, в отличие от 1-го и 2-го лица, проявляется – как своего рода компенсация – дифференциация по роду (которая, впрочем, варьируется в разных языках).

MIODUNKA 1974, 75 указывает, что референт именной группы, построенной по модели "притяжательное местоимение + существительное", является определенным. Это, однако, верно лишь по отношению к сингулярным выражениям типа *мой отец*. Если же экстенционал выражения включает более одного элемента, такое выражение является лишь частично определенным. Так, выражение *мой брат* характеризует лицо как 'такой, по отношению к которому я являюсь братом / такой, который по отношению ко мне является братом / такой, с которым меня связывает отношение *быть братом*', однако оно не позволяет выделить лицо из множества братьев. Именно поэтому возможно объединение в одной синтагме притяжательных и неопределенных местоимений, ср.: *один из моих братьев, какой-то его знакомый, кто-то из наших руководителей*, а также объединение притяжательного местоимения и неопределенного артикля, ср. (примеры из работы: NICOLOVA 1996, 51): болг. *една нейната картина*, нем. *eines ihrer Bilder*. В высказывании

(54) *Продав весь свой товар, она побежала в поликлинику к своей приятельнице – регистраторше Варя – узнать, не приходил ли ее тренер по боксу в поликлинику* ("Литературная газета". 02.05.1984)

слабоопределенность именной группы *ее тренер по боксу* проявляется двояко: с одной стороны, потенциально имеются два antecedента: *ее – она, ее – регистраторша Варя*; с другой стороны, может варьироваться предикативное отношение: 'тот, кто тренирует ее' или

'тренер по боксу, который за ней ухаживает' (в приведенном тексте реализуется второе значение).

Неопределенность притяжательных местоимений 3-го лица в немецком языке проявляется в том, что они выступают как проформы либо подлежащего (т.е. как аналоги рефлексивного местоимения), либо находящегося в том же высказывании или за его пределами antecedента (т.е. как аналоги личных местоимений) (КИКЛЕВИЧ 1996а, 205), ср.:

(55) *Die Großmutter liebte sehr ihre Enkelkinder.*

Выражение (55), в принципе, может иметь два прочтения: *Бабушка очень любила своих внуков* или *Бабушка очень любила ее (т.е. некоторого ранее упомянутого лица женского пола) внуков.*

3. Персональность и посессивность

К категории персональности относятся также некоторые притяжательные местоимения, а именно – *мой, твой, ее, его, наш, ваш, их*, а в некоторых языках – также краткие личные местоимения в дательном падеже, ср.: болг. *книгата ми, старата му майка, мили му дружбе*. ПЕШКОВСКИЙ 1935, 141 квалифицировал такие единицы как "личные прилагательные". Считается, что они составляют категорию "личной принадлежности" (ЯРЦЕВА 1990, 272).

Выражаемая притяжательными местоимениями семантика имеет дуалистический характер: с одной стороны, они указывают на лицо (*мой, наш* – на 1-е лицо, *твой, ваш* – на 2-е лицо, *ее, его, их* – на 3-е лицо), с другой стороны, выражают посессивность, т.е. принадлежность определяемого объекта к соответствующему лицу.

Связь с лицом в данном случае не вызывает сомнений, зато посессивная природа притяжательных местоимений, скорее всего, является одним из научных фантомов, не соответствующих языковой действительности (КИКЛЕВИЧ 1996а, 206–211; 1996б, 100–102; КИКЛЕВИЧ 1997, 59–60; KIKLEWICZ 1997).

3.1. Недоразумения, которые возникают при описании отношений между персональностью и посессивностью, отчасти связаны с тем, что, как отмечается в литературе,

"выделение признака посессивности соответствует языковой интуиции и логике, однако сам он с трудом поддается определению" (ЧИНЧЛЕЙ 1990, 20).

Центральной для категории посессивности считается семантика обладания, юридического владения. Предикат обладания является двуместным, его поле валентности включает аргумент с функцией посессора/бенефицианта и аргумент с функцией объекта принадлежности (НИЦОЛОВА 1986, 76). ТОПОРОВ 1986, 150 описывает содержание посессивности следующим образом:

"'обладать' для 'обладателя' Р 'обладаемым' R значит иметь (занимать) место R и доминировать ... 'Р имеет место R' предполагает, что Р, имея свое собственное место, получает дополнительно и место R, причем последнее по отношению к месту Р выступает как часть. 'Р доминирует в месте R' означает, что в данном месте определяющей ситуацией является точка зрения Р, а не R".

Признак 'руководить' (см. выше 'доминировать') для глагола *владеть* считает конститутивным также АПРЕСЯН 1995; 32, 549, который в общем принимает дефиницию, предложенную ранее ВЕЖБИЦКОЙ: *Я обладаю вещью* = 'Я имею право (общество хочет, чтобы я мог) сделать с вещью все, что захочу'.

Что же касается упоминаемой ТОПОРОВЫМ пространственной смежности, а также отношения часть – целое (которое рассматривается также в работе: ИВАНОВ 1989, 44), то, как представляется, для семантики принадлежности данные признаки (отчасти, видимо, обусловленные этимологической близостью глаголов *принадлежать* – *лежать*) факультативны, ср. высказывание:

(56) *У него есть счет в Швейцарии.*

В данной работе принимается следующее толкование семантики посессивности: *X обладает Y-ом / Y принадлежит X-у* = 'X имеет приоритетное право распоряжаться Y-ом, в том числе – каузировать изменения, которые происходят с Y-ом'. Обратим внимание, что первый аргумент при предикате *владеть* и второй аргумент при предикате *принадлежать* обладают селективным признаком 'одушевленное лицо, человек или группа людей', в чем проявляется связь категорий посессивности и номинативной персональности. Это, в частности, обуславливает употребление лексемы *персональный* в значении 'принадлежащий конкретному лицу'

3.2. Связано с определенными теоретическими трудностями и установление лексического объема (состава) категории посессивности. Так, некоторые авторы рассматривают польские конструкции типа S

nom – Praep *z* – S instr или S nom – VF – Praep *z* – S instr как посессивные (PIERNIKARSKI 1990, 28); одним из таких примеров может быть высказывание:

(57) *Jan wychodzi z kufrem.*

Но в подобных случаях выражается вовсе не владение, а пространственная взаимосоотнесенность предметов, на что указывает трансформация: 'В тот момент, когда Ян выходит, он держит в руках чемодан / чемодан находится в руках Яна' (на возможность локативной интерпретации посессивных конструкций указывает LYONS 1983, 327). То же самое доказывается возможностью расширения высказывания:

(58) *Jan wychodzi z kufrem Anny.*

На практике для выделения посессивных конструкций (в том числе и включающих притяжательные местоимения) используется трансформационный критерий. Так, PISARKOWA 1992, 261 различала посессивные и квазипосессивные отношения. Общность этих отношений состоит в том, что обычно они имеют одинаковые средства выражения, зато их различия касаются плана содержания. PISARKOWA предлагала следующий способ идентификации посессивных конструкций польского языка: возможность их преобразования в сочетании с глаголом *być*, ср.: *dom Kowalskiego ### dom jest Kowalskiego; mój dom ### dom jest mój; serce Kowalskiego ### *serce jest Kowalskiego; palce ręki ### *palce są ręki.*

PISARKOWA определяет посессивность как конкретное семантическое отношение, а с другой стороны, дает ей строгую структурную характеристику. Чаще всего, однако, встречаются работы (ср.: ЧИНЧЛЕЙ 1990, 27; НИЦОЛОВА 1986, 77; АРИСТОВА 1982, 58; РИТТЕЛ 1985, 228 и др.), в которых признается, что посессивные конструкции не имеют единого номинативного содержания, но тем не менее все они рассматриваются именно как посессивные, а конституирующие их предикаты объединяются в один функционально-семантический класс, которому – вопреки всякой логике! – приписывается общий признак. ПЕШКОВСКИЙ 1935, 201 даже писал о том, что в высказываниях типа

(59) *X был ленив*

выражается "спокойное обладание признаком". Но вряд ли здесь можно говорить о посессивности в прямом смысле – ведь человек не распоряжается своими свойствами, тем более такими, как свойство "быть ленивым".

FANDRYCH 1993; 132, 168, 186, по нашему мнению, ошибочно квалифицирует как посессивные немецкие адъективные композиты типа *aluminiumfrei, alkoholfrei, milchfrei, salzarm, nikotinarm, sduerarm, augenlos, handlos, buchlos* и др.

Авторы монографии ИВАНОВ 1989 трактуют как посессивные (отмечая при этом неоднородность их содержания) выражения типа *рука человека, болезнь Ивана, цвет граната, строение микромира, смысл войны* и т.п. Более точную, дифференцированную квалификацию подобных сочетаний с существительным в родительном падеже дает в своем "Синтаксическом словаре" ЗОЛотова 1988, 386:

- а) родительный посессивный, например: *коляска хозяина, дом отца;*
- б) родительный агентивный, например: *запрос прокурора, приезд гости;*
- в) родительный носителя признака, например: *зелень трав;*
- г) родительный прикомпаративный, например: *бежать быстрее лани;*
- д) родительный объекта при отглагольных именах, например: *чтение книги.*

3.3. К сожалению, недифференцированный подход распространен и при описании притяжательных местоимений, причем не только в школьных и вузовских учебниках, но и в специальных научных работах, где они рассматриваются как носители семантики посессивности. Ошибочность этого толкования подтверждают многочисленные языковые факты, например:

- (60) *На следующий день после выхода из больницы Ольга начала снова шить сапоги... Евгений говорит, что Ольга – это обуза, но, по правде сказать, своими сапогами она кормит и Евгения, и его жену* (Г.Миллер, пер. Г.Егорова).
- (61) – *Сегодня буду мыться.*
Мать удивлена.
– *Что это? Разве сегодня суббота?*
– *Вечером будет кино. Там моя любимая актриска играет* (Т.Гуэрра, пер. И.Заславской).
- (62) – *Между прочим, на одном из столов в нашей бухгалтерии, под стеклом, – ваш вырезанный из журнала портрет...*
– *Как приятно! Еще приятнее было бы, если бы в нашей бухгалтерии* ("Неделя". 1985. № 24).

(63) *В пять вечера наш американец может уходить с работы, но не уходит* ("Литературная газета". 24.04.19991).

Ни в одном из приведенных выражений притяжательные местоимения не передают семантики посессивности, ср. трансформации:

своими сапогами = 'сапогами, которые она шьет';

моя любимая актриска = 'актриска, которую я люблю';

в нашей бухгалтерии = 'в бухгалтерии учреждения, где я работаю';

наш американец = 'американец, о котором идет речь'.

Если в содержании выражения с притяжательным местоимением иногда и имеется посессивная семантика, то она обусловлена не местоимением, а лексическим значением существительного или контекстом (NICOLOVA 1996, 51; КИКЛЕВИЧ 1996а, 209), ср.:

(64) *У тебя есть моя книга?*

(65) *У тебя моя книга?*

В первом употреблении сочетание *моя книга* значит 'книга, которую я написал', во втором – 'книга, которая мне принадлежит'. Второе, посессивное значение определяется лексическим значением существительного *книга*, а именно – семантическом признаком 'может быть предметом владения', и структурой предложения – пропуском личной формы глагола и эмфатическим выделением посессора. В немецком языке это семантическое различие может быть выражено только интонационно:

(66) *Hast du mein Buch?*

(67) *Hast du du mein Buch?*

Лишь в немногочисленных работах в содержании притяжательных местоимений отмечаются семантические признаки, не имеющие отношения к категории посессивности: DOROSZEWSKI 1959, 84; FARKE 1994, 193; MAYERTHALTER/FLIEDL/WINKLER 1996, 184 и др. Так, LYONS 1983, 327 пишет:

"Es ist nur eine Minderheit von traditionell possessiv genannten Konstruktionen, die etwas mit Eigentum oder Besitz zu tun haben; und wir haben keinen Grund anzunehmen, daß diese Minderheit eine besonders wichtige oder grundlegende Teilklasse der Gesamtklasse darstellt".

3.4. В серии предыдущих публикаций (КИКЛЕВИЧ 1996а; 1996б; КИКЛЕВИЧ 1997; КИКЛЕВИЧ 1997) мы показали, что конструкции с притяжательными местоимениями содержат различные предикатно-

аргументные структуры – насчитано более десяти типов таких структур. При этом количество сочетаний, которые выражают посессивную семантику, составляет в проанализированном нами корпусе материала менее 5 %.

Для того, чтобы определить специфику притяжательных местоимений в системе индексальных прономинальных знаков, были проанализированы их структурно-семантические свойства. Обоснование такого подхода можно найти в литературе. Так, Вольф 1974, 70 подчеркивает, что "посессив необходим там, где необходимо эксплицитное указание на актанта" (см. также: FARKE 1994, 193). Используемые в некоторых языках в качестве лично-притяжательных показателей глаголы обычно выступают как зависимые предикаты (ЯРЦЕВА 1990, 272).

Основываясь на эмпирическом анализе языкового материала, мы пришли к выводу, что притяжательные местоимения выступают как детерминативные актуализаторы одного из аргументов (обычного – первого) зависимой пропозиции. Рассмотрим высказывание:

(68) *У меня есть твоя книга.*

На языке логики предикатов данное высказывание представлено формулой:

$$\begin{array}{l} \text{ВЛАДЕТЬ (x, y)} \\ \text{Я (x) КНИГА (y)} \\ \text{НАПИСАТЬ (z, y)} \\ \text{ТЫ (z)} \end{array}$$

Формула читается: 'Предмет X, который является говорящим, владеет предметом Y, который является книгой, такой, которую написал предмет Z, который является адресатом'.

Если личное местоимение *у меня* характеризует в аспекте категории детерминативности один из аргументов главной пропозиции (а именно – X), то притяжательное местоимение *твоя* непосредственно используется для детерминативной актуализации первого аргумента зависимой пропозиции НАПИСАТЬ (z, y) и лишь косвенно конкретизирует содержание второго аргумента главной пропозиции ВЛАДЕТЬ (x, y).

Для категориальной характеристики притяжательных местоимений нами было введено понятие порядка именной группы (аргумента) – ее локализованности в составе главной (ядерной) или зависимой

(неядерной) пропозиции. С точки зрения порядка все местоимения распределяются по трем классам:

- а) местоимения низкого порядка – притяжательные;
- б) местоимения первого порядка – указательные;
- в) местоимения разного порядка – личные, возвратные, вопросительные, относительные, обобщающие, неопределенные и отрицательные.

3.5. В содержании притяжательных местоимений имеется не только актуализационная, но и предикативная семантика (JACHNOW 1991, 134). Рассматривая разнородные по содержанию польские выражения типа *moja czapka, moja praca, mój brat, nasza szkoła, wasze miasto*, авторы монографии DOROSZEWSKI 1959, 84 пишут:

"Na tle tych przykładyw wyraźnie występuje cecha relacyjności zaimków, czyli wyrażania różnorodnych stosunków między desygnatami wyrazów, o których mowa".

Таким образом, если общим структурно-семантическим свойством притяжательных местоимений является порядок, то их общим номинативным признаком выступает реляционность, что позволяет квалифицировать их как реляционные местоимения низкого порядка.

В множестве таких местоимений в зависимости от характера референции выделяются подмножества:

- 1) лично-реляционные – *мой, твой, его, ее, наш, ваш, их*;
- 2) рефлексивно-реляционное – *свой*;
- 3) вопросительно-реляционное – *чей?*;
- 4) относительно-реляционное – *чей*;
- 5) неопределенно-реляционные – *чей-то, чей-либо, чей-нибудь*;
- 6) отрицательно-реляционное – *ничей* (разговорное *ничейный*);
- 7) обобщенно-реляционное – разговорное *всехный* (ср, литературное польское *powszechny*).

Ср. пример толкования лично-реляционного местоимения *мой* = '1 (лексическое значение). Употребляется для определения имени существительного посредством указания на отношение обозначаемого им предмета или признака к говорящему; данное отношение либо вытекает из природы обозначаемого предмета/признака, либо определяется контекстом. 2 (семантическая пресуппозиция). Адресату сообщения известно, кто является говорящим'.

4. Заключение

Из проведенных в данной работе наблюдений можно сделать следующие основные выводы.

4.1. Персональность – это иерархически организованное, т.е. включающее несколько уровней обобщения, множество языковых единиц разного формата (лексем и морфем), в номинативное содержание которых входит указание на одного из участников актуального речевого акта. В системе персональности можно выделить несколько уровней:

- а) мегауровень – персональность как категория знаков, выражающих какое-либо отношение к лицу
- аа) макроуровень – коммуникативная персональность
- аб) макроуровень – номинативная персональность
- ааа) мезоуровень – детерминативная персональность, т.е. характеристика референта именной группы с точки зрения его отношения к одному из участников речевого акта с помощью личных и притяжательных местоимений, а в случаях, когда их синтаксические позиции не заполнены – личных форм глаголов
- ааб) мезоуровень – дескриптивная персональность, т.е. характеристика адресата сообщения с помощью существительных-апеллятивов
- аааа) микроуровень – реализация детерминативной функции, а именно – коммуникативной, эмпирической и энциклопедической определенности конкретно-референтных именных групп
- аааб) микроуровень – реализация детерминативной функции, а именно – определенности генерических именных групп

4.2. На уровне микрокатегории персональность включает три значения: 1-го, 2-го и 3-го лица. Местоимения всех трех лиц могут использоваться для реализации всех трех типов определенности референтных именных групп: коммуникативной (анафорической), эмпирической (дейктической) и энциклопедической (когнитивной). Дейктическое или анафорическое употребление прономинальных лексем данного типа зависит, главным образом, от нарративного или интеррогативного режима речи.

4.3. Коммуникативный характер содержания местоимений 1-го и 2-го лица, употребляемых для выражения определенности генерических именных групп в обобщенно-личных предложениях, заключается в том, что они выступают как инклюзивные формы, включающие говорящего в универсальное множество лиц, которые участвуют в описываемом событии.

4.4. Употребляясь для реализации детерминативной функции именных групп, маркеры категории персональности выступают как синсемантические знаки, предполагающие предварительную (коммуникативную, ситуативную или когнитивную) выделенность объектов. Характеризуя референт именной группы как совпадающий с одним из участников речевого акта, единицы данного типа содержат в нормальном случае пресуппозицию: 'Адресату сообщения известно, кто выполняет упомянутую коммуникативную функцию, т.е. кто является говорящим, кто – адресатом, а кто – зрителем'.

Степень определенности референта для разных форм персональности варьируется, а именно – уменьшается от 1-го лица к 2-му и от 2-го лица к 3-му. Наименьшая детерминированность обозначаемого объекта в содержании местоимений 3-го лица компенсируется дифференциацией грамматических значений категории рода.

4.5. Притяжательные местоимения, входящие в парадигму мезокатегории детерминативной персональности, не имеют никакого отношения к посессивности. В их содержании выделяются два аспекта: актуализационный и реляционный. Актуализационная семантика притяжательных местоимений заключается в том, что они выступают как формы косвенной детерминации именных групп, а именно – характеристики их референтов по соучастию в ситуации вместе с одним из коммуникантов. Прямая детерминативная функция притяжательных местоимений всегда реализуется по отношению к аргументам зависимой (неядерной) пропозиции, что дает основание квалифицировать их как детерминативные операторы низкого порядка.

Реляционная семантика притяжательных местоимений заключается в том, что они указывают на отношение референта именной группы к одному из участников коммуникативного акта. Конкретный характер данного отношения не входит в их содержание, а определяется лексическим значением опорного существительного или контекстом.

5. Литература

- Апресян, Ю.Д. (1995), *Избранные труды*. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва.
- Аристова, Е.Б. (1982), Категория субъекта и агентивные синтаксемы в современном английском языке, in: Кацнельсон, С.Д. (ed.), *Категория субъекта и объекта в языках различных типов*. Ленинград, 45–64.
- Бабайцева, В.В. (1968), *Односоставное предложение в современном русском языке*. Москва.
- Белошапкина, В.А. (1977), *Современный русский язык*. Синтаксис. Москва.
- Бондарко, А.В. (1991), *Теория функциональной грамматики*. Персональность. Залоговость. С.-Петербург.
- Булыгина, Т.В./Шмелев, А.Д. (1997), *Языковая концептуализация мира* (на материале русской грамматики). Москва.
- Валгина, Н.С. (1973), *Синтаксис современного русского языка*. Москва.
- Вольф, Е.М. (1974), *Грамматика и семантика местоимений*. Москва.
- Земская, Е.А./Капанадзе, Л.А. (eds.) (1978), *Русская разговорная речь*. Тексты. Москва.
- Золотова, Г.А. (1988), *Синтаксический словарь*. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Москва.
- Иванов, Вяч. Вс. (ed.) (1989), *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. Москва.
- Киклевич, А.К. (1996а), Об индексальных выражениях с семантикой посессивности (на материале русского и немецкого языков), in: Супрун, А.Е., Яхнов, Х. (eds.), *Славяно-германские языковые параллели*. Минск, 190–212.
- Киклевич, А.К. (1996б), Проблемы грамматической семантики в современной польской лингвистике, in: Супрун, А.Е. (ed.), *Новые исследования в зарубежной лингвистике*. Минск, 83–130.
- Кіклевіч, А.К. (1997), Сістэма займенніка### з функцыянальна-семантычнага пункту гледжання (у пошуках рацыянальнай граматыкі), in: *Вестнік Беларускага ўніверсітэта*, IV/3, 59–62.
- Кларк, Г.Г./Карлсон, Т.Б. (1986), Слушающие и речевой акт, in: Городецкий, Б.Ю. (ed.), *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 17. *Теория речевых актов*. Москва, 270–321.
- Максапетян, А.Г. (1990), *Каузация*. Лингвистические и экстралингвистические аспекты. Ереван.
- Нёргор-Сёренсен, Е. (1987), К вопросу о линейной организации предложения. На материале русского, польского, болгарского и немецкого языков, in: *Studia gramatyczne*, VIII. Wroclaw, 155–179.
- Ницолова, Р. (1986), *Българските местоимения*. София.
- Пешковский, А.М. (1935), *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва.
- Топоров, В.Н. (1986), О некоторых предпосылках формирования категории при-тяжательности, in: Иванов, Вяч. Вс. (ed.), *Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности*. Москва, 142–167.
- Химик, В.В. (1990), *Категория субъективности и ее выражение в русском языке*. Ленинград.
- Чинчлей, К.Г. (1990), *Типология категории посессивности*. Кишинев.

- Шведова, Н.Ю. et al. (eds.), *Русская грамматика*. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. Москва.
- Ярцева, В.Н. (ed.) (1990), *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва.
- Bogusiawski, A. (1994), *Sprawy siowa. Word Matters*. Warszawa.
- Chisholm, R. (1992), *Die erste Person*. Theorie der Referenz und Intensionalitat. Frankfurt am Main.
- Clark, H.H./Carlson, T.B. (1982), Hearers and Speech acts, in: *Language*, 58, 332–373.
- Doroszewski, W. (ed.) (1959), *Gramatyka opisowa wspiyczesnego jkzyka polskiego*. Warszawa.
- Ehrich, U. (1990), *Bedeutungsanalyse in einem sprachverstehenden System unter Berьcksichtigung pragmatischer Faktoren*. Tьbingen.
- Fandrych, Ch. (1993), *Wortart, Wortbildungsart und kommunikative Funktion*. Am Beispiel der adjektivischen Privativ- und Possessivbildungen im heutigen Deutsch. Tьbingen.
- Farke, H. (1994), *Grammatik und Sprachverarbeitung*. Zur Verarbeitung syntaktischer Ambiguitьten. Opladen.
- Halliday, M.A./Hasan, R. (1976), *Cohesion in English*. London/New York.
- Heger, K. (1965), Personale Deixis und grammatische Person, in: *Zeitschrift fьr romanische Philologie*, 81, 1/2, 76–97.
- Jachnow, H. (1991), Serbokroatische und deutsche Attributskonstruktionen unter dem Aspekt des theoretischen Sprachvergleichs, in: Hartenstein, K./Jachnow, H. (eds.), *Slavistische Linguistik 1990. Referate des XVI. Konstanzer Arbeitstreffens Bochum/Lullinghausen 19.–21.9.1990*. Mьnchen, 121–145.
- Kiklewicz, A. (1997), Czy w jkzyku polskim istnieje zaimki dzierьawcze?, in: *Prace Filologiczne*. Warszawa (im Druck).
- Laskowski, R. (1993), Osoba, in: Polacski, K. (ed.), *Encyklopedia jkzykoznawstwa ogьlnego*. Wrociaw, u. a., 377–378.
- Looser, M. (1975), Personalpronomen und Subjektivitat, in: Leist, A. (ed.), *Ansätze zur materialistischen Sprachtheorie*. Kronberg / Ts., 234–278.
- Lyons, J. (1983), *Semantik*, Bd. II. Mьnchen.
- Mayerthaler, W./Fliedl, G./Winkler, Ch. (1996), LEXIKON der natьrlichtheoretischen Syntax und Morphosyntax, in: *Papiere zur Linguistik*, 55/2, 175–200.
- Miodunka, W. (1974), *Funkcje zaimkw w grupach nominalnych wspiyczesnej polszczyzny mywionej*. Krakьw.
- Nagyрко, A. (1997), *Zarys gramatyki polskiej*. Warszawa.
- Nicolova, R. (1996), Strategien der semantischen Interpretation von Possessivkonstruktionen im Text, in: Grochowski, M. (ed.), *Anafora w strukturze tekstu*. Warszawa, 49–55.
- Piernikarski, C. (1990), *Struktura syntaktycznych grup homogenicznych (w zestawieniu z niektórymi typami grup heterogenicznych)*. Wrociaw, u. a.
- Pisarkowa, K. (1992), Posesywnoьж, in: Urbaczyк, S. (ed.), *Encyklopedia jkzyka polskiego*. Wrociaw, u. a., 261–262.
- Rittel, T. (1985), *Kategoria osoby w polskim zdaniu*. Warszawa/Krakьw.
- Scherner, M. (1979), "Person" als texttheoretische und textanalytische Grundkategorie, in: *Wirkendes Wort*, 2, 93–114.
- Schroeder, Ch. (1989), Sprachlicher Ikonismus: Theoretische Grundlagen und Beispiele aus dem Tьrkischen, in: *Papiere zur Linguistik*, 41/2, 3–76.

Welte, B. (1980), Person und Welt. Überlegungen zur Stellung der Person in der modernen Gesellschaft, in: Schavan, A./Welte, B. (eds.), *Person und Verantwortung. Zur Bedeutung und Begründung von Personalität*. Düsseldorf, 9–25.

Zusammenfassung

Die Kategorie der Personalität wird in diesem Beitrag als ein System von lexikalischen und morphologischen Realisationsmitteln determinativer Funktion generischer und referentieller Nominalgruppen, und zwar der Bedeutung der Bestimmtheit aufgefaßt. Es werden die Besonderheiten des Gebrauchs von Personalpronomina, Verben und Substantiven zum Ausdruck der kommunikativen, episodischen und enzyklopädischen Bestimmtheit referentieller Nominalgruppen festgestellt. Darüber hinaus werden semantische Eigenschaften allgemein-persönlicher Sätze mit Pronomina und Verben der ersten und zweiten Person beschrieben. Die Relation zwischen den Kategorien Personalität und Possessivität besteht darin, daß die nominative Personalität als ein selektives Merkmal des ersten Arguments beim Prädikat *besitzen* auftritt. Es werden ferner die kategoriellen semantischen Merkmale der Possessivpronomina sowie ihre Lokalisierung im System von pronominalen Zeichen behandelt. In der Arbeit werden auch einige slavisch-germanische Sprachparallelen im Bereich der Personalität aufgezeigt.